

РОССИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛИИ

(краткие тезисы)

Развитие современного мира в значительной мере определяется становлением постиндустриальной экономики в развитых странах Запада, начиная с середины 1970-х годов. Этот процесс – сначала медленно, но с течением времени все более активно – приводит и приводит к нарастанию глобального неравенства. Формирующаяся система разделения труда во все возрастающей степени разделяет мир на преимущественно постиндустриальную (производящую технологии или разного рода символы и смыслы) и на преимущественно индустриальную, создающую *tradeable material goods*. Обе эти части мира сегодня взаимодополняют друг друга и, хотя иногда находятся в острых противоречиях, определяют облик современного мира [далее я остановлюсь на моделях воспроизводства в каждой из систем и причинах устойчивости их обоих]. Ситуация начала XXI века показывает, что постиндустриальный и индустриальный миры в перспективе могут найти баланс, тогда как страны сырьевой и аграрной направленности очевидно окажутся на экономической периферии.

Особое внимание в лекции будет уделено вопросу о трансформации обществ и характеру конкуренции между ними. Опыт прогресса второй половины XX века свидетельствует о том, что потенциал «догоняющего» развития практически исчерпан. Сравнение «догоняния» одних индустриальных стран другими (начиная с 1870-х и до 1960-х годов) с попытками «догоняния» индустриальными странами постиндустриальных, начиная с 1980-х годов, показывает, что *success stories* очень многочисленны в первом случае и полностью отсутствуют во втором [далее в лекции будет предпринята попытка объяснить, почему же дело обстоит именно так – и рассуждается о том, что это значит для современного мира]. Как итог, констатируется, что ускоренное индустриальное развитие во всех случаях пока «упирается» в некий барьер, соответствующий состоянию *of advanced, или developed, industrial society* – после чего возникает состояние стагнации. Видимо, в новом столетии самой большой проблемой для мира окажется «изобретение» механизма перехода «некреативных» индустриальных экономик на постиндустриальную стадию развития [и я не вполне убежден, что данный рецепт вообще будет когда-то найден].

Россия, отмечается далее, оказалась сегодня в очень сложной ситуации. У нее нет стратегии «встраивания» в мир, для которого она в экономическом аспекте до сих пор выглядит практически отсутствующим субъектом (нефть и газ остаются просто ресурсами, не определяющими долгосрочного хозяйственного влияния страны [будет подробно объясне-

но, почему]). Собственно говоря, эта стратегия не то чтобы должна быть выработана – она по сути безальтернативна. Для такой страны как Россия сегодня есть только один выбор – индустриализироваться или оставаться «энергетической сверхдержавой» на относительно короткий промежуток времени с последующей деградацией. Проблема сегодня, однако, заключается в том, что российская политическая элита придумывает иные варианты развития – и прежде всего путь к «постиндустриальной модернизации», которая является нонсенсом [далее будет предпринята попытка объяснить, почему]. После этого я попытаюсь (если позволит время) остановиться на возможных вариантах российской модернизации в современных условиях (которые я определяю как этатистскую и «десуверенистскую») и на вероятности реализации данных рецептов.

Соответственно, выводы представляются следующими. Постиндустриальный мир становится миром неравенства. Конкуренция оказывается все более жесткой. Варианты развития выглядят менее разнообразными. Все это приводит к выводу о том, что важнейшей задачей для России является определение оптимальной стратегии – и что оптимальная стратегия представляется такой, которая прежде всего основывается на реальной оценке ситуации, а не на представлениях о «желаемом настоящем», на которых современная российская элита стремится выстраивать свою политику [все это будет изложено, разумеется, подробнее].

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА. ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОНЯТИЯ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» (краткие тезисы)

Понятие «постиндустриальное общество», введенное в конце 1960-х годов, стало «находкой» для западной социологической науки и получило очень быстрое и широкое распространение. В последние десятилетия, однако, его использование на Западе стало гораздо менее активным – в первую очередь вследствие снижения актуальности самого теоретического определения современной нам эпохи, а отчасти из-за появления альтернативных понятий («информационное», «инновационное» и др.), которые обрели большую популярность в повседневных дискуссиях.

Между тем понятие «постиндустриальное общество», которое сегодня начало активно использоваться и в России, представляется мне довольно односторонним и не вполне адекватным – причем по двум причинам.

Во-первых, как исследователи, вышедшие из марксистской традиции, мы ощущаем, что общество правильнее определять исходя не из его технологических, а исходя из его социально-экономических основ. Общества, достаточно близкие в технологическом отношении, могут существенно отличаться по другим своим характеристикам. Определять Соединенные Штаты 1930-х годов и сталинский СССР как «развитые индустриальные общества» – значит не сказать о них ничего существенного.

Не вдаваясь в вопрос о том, как было бы правильнее определить современные развитые общества Европы и Северной Америки, я хочу предложить четко разделять характеристики общества и экономики, и относить понятия «индустриальное», «постиндустриальное» или «доиндустриальное» к экономическим, а не общественным, отношениям. В таком случае возможности классификации существенно расширятся – и мы сможем говорить о разных типах обществ, базирующихся на индустриальном (или постиндустриальном) технологических базисах. Довольно очевидно, на мой взгляд, что степень вариативности этих обществ может быть достаточно велика как сегодня, так и в прошлом.

Во-вторых, я хотел бы обратить внимание на то, что в наши дни относительная независимость социально-экономических структур от технологического базиса возрастает, что обусловлено, на мой взгляд, спецификой формирования и историей тех или иных обществ. Доказательство этого тезиса предпринимается на примере сравнения традиционно считаемых «постиндустриальными» обществ: США и Западной Европы.

При высокой степени сопоставимости уровня технологического развития Америки и Европы и определенном сходстве структуры их экономик в последние двадцать лет мы наблюдаем порой диаметрально противоположные тенденции в социально-экономическом развитии. Прежде всего это касается прогрессирующей деиндустриализации Соединенных Штатов и практически полного прекращения этого процесса в Европейском Союзе; далее следует отметить качественно разную (и все более различающуюся) структуру экспорта; и, наконец, все более «расходящиеся» мотивации экономически активной части населения.

«Постиндустриальные» Соединенные Штаты постиндустриальны только в том, что доля индустриального производства в ВВП упала до 12-13% и продолжает сокращаться. При этом основным объектом их экспорта выступает массовая продукция (как в индустриальном, так и информационном секторах), а мотивация остается чисто

индустриальной, что в той или иной степени подтверждается и ролью денег в системе ценностей, и продолжительностью рабочего времени, которая растет в США практически единственной из развитых стран. «Постиндустриальная» Европа поддерживает уровень промышленного производства в ВВП в пределах 19-33%, и он остается достаточно стабильным. При этом Европа экспортирует скорее «смыслы», объекты престижного потребления и товары, либо произведенные не массовым образом, либо создающие впечатление высокоиндивидуализированных. В то же время европейские страны отличаются крайне низкой материальной мотивированностью и последовательным сокращением времени, занимаемого работой.

Эти отличия двух моделей постиндустриальной экономики хорошо заметны и выпукло отражаются как их позиционированием в глобальном разделении труда и соответствующими трениями и противоречиями в международной торговле, так и отношением к ним остального мира. В общем и целом делается предположение о том, что современные Соединенные Штаты можно считать постиндустриальной экономикой с предельно «экономизированным» типом сознания и индустриальной системой потребления, так как Европа, также постиндустриальная в своем технологическом базисе, выглядит обществом с «постэкономическим» (или «постматериалистическим», говоря словами Р.Инглегарта) типом сознания и заметно отличным от американского типом потребления.

Основной вывод на сугубо теоретическом уровне выглядит довольно печально: обратившись спустя сорок лет после введения понятия «постиндустриальное общество» к его широкому использованию, российские авторы оказались неспособными ни осознать, что время его активного применения на Западе закончилось в первой половине 1990-х годов, ни теоретически развить данный подход, что могло бы продлить его «жизнь». В результате сегодня рассуждения о «постиндустриальной модернизации» и иные элементы риторики отечественных экспертов и представителей политической элиты не могут вызвать ничего, кроме – в лучшем случае – невинной усмешки.